

18+

Елена Асатурова

**АНАТОМИЯ
ПОДСОЗНАНИЯ**

Елена Асатурова
Анатомия подсознания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63523377

ISBN 9785005193711

Аннотация

Новая книга стихов Елены Асатуровой – настоящий женский роман с завязкой, историей, развязкой и эпилогом – сказывается опыт написания детективной прозы. (И. Гальперин) Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

Содержание

Предисловие	6
Анатомия подсознания	8
«Так и бредем по миру: медленно, наугад...»	8
Аннушка	9
Стрекоза	10
«Так вот и жили. На масло мазали хлеб...»	11
«Уйти в себя, вдыхая через раз...»	12
«Кто-то стремится в рай, но сгорит в аду...»	13
Туман	14
Отражение в окне вагона	15
Зимний дождь	16
Птица кричала в ночи	17
Сон	18
Мотылёк 2020	19
Жадная вода	21
Мои февраль	22
Ланселот XXI	24
Пепел	25
«Что же горит так внутри и вот-вот взорвётся...»	26
Москва – Петушки	28
«Эта луна, как и мир, молода...»	30
Февральский страж	31

Хрупкая прозрачность ноября	32
Поэтам	33
Ненаписанные стихи	35
Просто беги	36
Верую	37
Дорога к богу	37
Равновесие	38
Рождественское	39
Прощёное воскресенье	40
«Всё продаётся, была бы цена не завышена...»	41
«Знаю, ангелы есть на свете...»	42
Иосиф	43
«Заневестились вишни и белой накрылись фатой...»	44
Июльское	45
В ожидании Пасхи, или нелёгкий Пост – 2020	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анатомия подсознания

Елена Асатурова

Редактор Ольга Которова

Дизайнер обложки Евгения Михайлова

Фотограф Екатерина Асатурова

© Елена Асатурова, 2020

© Евгения Михайлова, дизайн обложки, 2020

© Екатерина Асатурова, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-9371-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мое богатство главное

– свобода

Новая книга стихотворений Елены Асатуровой – настоящий женский роман, хотя и написан живым и разнообразным стихом. В нем есть завязка, история, развязка, эпилог – сказывается опыт написания детективной прозы. И во внимании к причинам и следствиям – тоже.

Сначала автор даёт бури, происходящие внутри души лирической героини, описывает откровенно и последовательно – со всеми метаниями, страстями, покаяниями. Этот-то раздел и называется «Анатомия подсознания». Переживания показываются обобщенно, вплоть до формул: *«Важно понять, для чего мы здесь и сейчас»*, *«Мое богатство главное – свобода»*. Но при этом напрямую не обнажаются драмы, видны лишь мучения от них, да еще, в противоречие словам о свободе, – все время говорится о муках выбора. Выбора своего, самостоятельного, отрицается обязательность чужих законов: *«Не подчинить законам геометрий внутри меня идущий нервный ток»*. Но уже в стихотворении «Ланселот XXI» проглядывает знакомство автора с реалиями внешнего мира, чужими и неприемлемыми.

Что же тогда подставляет плечо лирической героине? Ве-

ра. Об этом следующий раздел – «Верую». Вера не только в каноны и предания, в моральные законы и силу вездесущего, но и вера в силу самой жизни, это позволяет писать: *«И былую гоня тревогу»*. Из библейской истории извлекается мысли об Иосифе, принявшем младенца Иисуса: *«Давай те помнить, что чужие дети – как божий дар принявшим их отцам»*. И эта нотка, вроде бы отвлеченная, потом отзывается в горячем изложении сюжета...

Но сначала, еще до примет драмы, автор дает пейзаж, точнее – ту обстановку, от которой вынуждена отказываться лирическая героиня. Это Болгария: волны, песок, золотая хурма, животворная черешня... И боль в этом раю – от одиночества, и беспокойство.

И наконец – сама драма: «Затмение». А потом – «Москва», а потом: «Издалека», попытка оглядеться. И «Эпилог». *«Мы ценою потерь понимаем порой, чем богаты»*. Пересказывать не буду, сами окунайтесь в эту бурю.

Иосиф Гальперин

Анатомия подсознания

«Так и бредем по миру: медленно, наугад...»

Так и бредем по миру: медленно, наугад,
сердце, мозги и смелость подрастеряв в пути.
Каждый из нас однажды сам создавал свой ад —
Домик безумной Элли снова в Канзас летит.

Всякий бульжник жёлтый, даже когда он сер.
Вымости им дорогу, что приведёт в тупик.
Снимешь очки, и вместо Гудвина – Люцифер,
в твой изумрудный город сталкер и проводник.

Время пришло желаньям сбыться любой ценой,
даже когда расплата холодом у виска.
Твой персональный демон будет всегда с тобой.
Сделай траву зелёной – время для пикника.

Аннушка

У Бога на каждого свои планы

Не говори волхвам своих желаний,
пока не будешь в них уверен сам.
Одна песчинка придаёт весам
безудержную силу колебаний.

И перевесит то, чего не ждал,
забыв слова молитв, отринув веру.
Каренина любила офицера,
но утром опоздала на вокзал.

И стала жить. Мудрее, злее, старше.
Плетя судьбы невидимую нить,
однажды вышла маслица купить
и разлила его на Патриарших.

Стрекоза

Что-то свербит под кожей.
Видимо, стрекоза
Спутала топкий берег с топью дырявых вен.
Крылья свои ломает, не замечая за
Тонким покровом кожи неустойчивый тлен.

Что-то течёт по венам.
Красное, как вино.
Так же густеют капли, падая на асфальт.
Хочется просто верить, жить ожиданием, но
Вслед за моей весной снова придёт февраль.

Кто-то стоит за дверью.
Может быть, февраль.
Белый готовят саван, холод вползает в щель.
Знаю, пора прощаться. Выкарабкаюсь ли
Как стрекоза на берег? Завтра уже апрель.

«Так вот и жили. На масло мазали хлеб...»

Так вот и жили. На масло мазали хлеб,
Пили из решета, ложкой черпали воду.
Мир согревали зимой, до угля истлев.
И запирали замки, обрета свободу.

Утром ложились спать, прогуляв всю ночь.
Не осушали слёз, когда было больно.
Если звала любовь, уходили прочь,
А проигравшись в прах, были всем довольны.

Важно понять, для чего мы здесь и сейчас.
Тот, кто придумал это, забыл сценарий.
Пусть полетит всё к чертям! Устоит каркас,
И новый шанс с тобой нам судьба подарит.

И будем жить нелепо. Летать во сне,
Все теоремы мира собой оспорив,
Чтобы, открыв окно и сердца весне,
Снова попасть туда, где синее море.

«Уйти в себя, вдыхая через раз...»

Уйти в себя, вдыхая через раз.
Закреть глаза, чтобы не видеть света.
И сотворять молитву ли, намаз,
Когда душа как нищенка раздета.
Не слышать шума, ощущать покой,
Забуть страну, число и время года.
И гладить море, как щенка, рукой...
Моё богатство главное – свобода.

«Кто-то стремится в рай, но сгорит в аду...»

Кто-то стремится в рай, но сгорит в аду.
Кто-то грешит, но будет прощен Всевышним.
Мы набиваем в душах своих тату.
Он разглядит потом, что же стало лишним.

Мы вырастаем все из одних штанов.
Сказки одни нам в детстве читают мамы.
Но пожалеет кто-то из нас волков —
Выстрелы в их сердцах оставляют шрамы.

Ну а другой стреляет. И кровь течёт,
Белый пятнает снег и, конечно, совесть...
Время придёт, и каждый получит счёт.
Только об этом будет другая повесть.

Туман

Выйдешь из дома – с моря туман
Лёг покрывалом плотным.
Колокол в храме звонил (по нам?)
Так, что дрожали окна.

Чаек не слышно. Абрис луны
С ночи забыл дорогу.
У февраля так тревожны сны —
Смотрятся эпилогом.

Только на склонах зацвёл миндаль,
Клювы раскрыли почки.
Зиму с собой заберёт февраль,
Можно поставить точку.

Мы пережили ещё одну
И разучились плакать.
Можно проснуться и ждать весну,
Вылив чернила в слякоть.

Отражение в окне вагона

Выжат день в стакан лимонным соком,
Оседает полночью на дно.
Хочется не думать о высоком,
Хочется напиться, чтоб в г**но.

Чтобы уронить лицо в тарелку,
Наплевав на свежий макияж.
Чтобы по столу скакали белки
И кричали: «Славный был купаж!»

За окном убогие погосты
Пробегают задом наперёд.
Хочется прожить остаток просто,
А выходит всё наоборот.

Мне б водой студеной похмелиться,
Вспоминая, день какой и год.
...У дверей вагона проводница
Глянет, перекрестит и пошлёт.

Зимний дождь

Дождь зимний в городе пустом
вплетает в сон свои ноктюрны.
Мои незапертые тюрьмы —
моя душа – остывший дом.
И непослушное перо,
дрожа, царапает бумагу,
что жадно впитывает влагу.
Букв раскаленное тавро
стремится свой оставить след,
но оставляет только раны.
И чертит жизнь меридианы
из поражений и побед.
Идут на цыпочках за мной
ночей бессонных вереницы,
чтобы под утро раствориться
в воде холодной дождевой.

Птица кричала в ночи

Птица кричала в ночи, словно плакал ребёнок.
Был её крик биссектрисой предутренней тьмы —
так же незрим, так же варварски тонок и звонок.
Мы же, как рыбы, прозрачны и глухонемы,
бьём плавниками песок, не находим отдушину,
тупо всплываем на свет, про опасность забыв.
Где-то порядок в природе нарочно нарушен.
Лёгкие – в клочья. Уходим без вдоха в отрыв
слепо на голос чужой, не заметив границы.
Как в теореме: две равных на «после» и «до».
Всё распадается, чтобы опять повториться.
Птица кричит перед тем, как покинуть гнездо.

Сон

Я, засыпая, моря шёпот слышу.
Канва ресниц впускает лунный свет,
И он течёт по раскаленной крыше,
Сплетая слог в причудливый сонет,

Мой сон рождает лабиринт иллюзий.
И не понять, где меж мирами грань.
Нанижет ночь колье из звёздных бусин
На тонкий луч, у душ собирая дань.

Я вижу мир в глазок калейдоскопа —
В нём каждый миг меняется узор.
И голосов тревожные синкопы
Сбиваются с минора на мажор.

Я слышу море. Слышу шорох ветра,
Дыханье бабочки, что села на цветок.
Не подчинить законам геометрий
Внутри меня идущий нервный ток,

Не причесать удобною гребёнкой
И под аршин один не подогнать.
Уснуло море чутким сном ребёнка,
Чтоб через час штормами ночь взорвать.

Мотылёк 2020

Крепко привязана к древку
мира жестокого суть.

Я мотылька-однодневку
в тёплой ладони несу,

остро от каждого шага
лёд разломив на куски.
Вместо обычного флага
крылья растут из руки.

Я в мотылька превращаюсь,
чтобы повыше взлететь.
Неба колышется парус,
Солнце раскинуло сеть.

Я поднимаюсь всё выше,
крылья обжечь не боясь.
Снизу стекает по крышам
мира безумного грязь.

Тонут дома и машины,
улицы и города,
женщины и мужчины,
умные и кретины.
Нет у планеты вакцины —

в этом-то вся беда.

Крылья сгорают – к счастью,
кругом идёт голова.

Я распадаюсь на части,
на слоги и на слова.

Им до безумия тесно
в карцере этом земном.
А я через год воскресну
сиреневым мотыльком.

Жадная вода

Откроются небесные врата
над утомлённой, выжженной землёй.
И потечёт, живительна, свята,
смывая кровь с ладоней и креста,
не будучи ни жертвой, ни судьёй,

холодная, безлика вода,
которая начало всех начал.
Внутри меня пылают города,
и реки утекают в никуда,
и рушится единственный причал.

Но вот утихнет торжество стихий.
Очнется мир, очищенный от лжи.
Забудутся измены и грехи,
прочтутся позабытые стихи,
и понимаешь, что за счастье – жить.

Мы все – планеты прихотью творца.
Смывает дождь неверье с наших душ.
Электрошоком молнии сердца
заводятся и бьются без конца...
Я просыпаюсь и встаю под душ.

Мои февральи

У моих февралей
привкус специй в горячем вине.
То горчит на губах,
то пьянит, не давая уснуть.
Загрустил Водолей,
бросил невод в небес глубине.
На фонарных столбах
его звёзды укажут мне путь.

У моих февралей
все аккорды знакомы на слух.
Заучи наизусть,
будет шанс, и мы вместе споём.
Ночь всегда холодней.
Это время беззубых старух,
и сбивается пульс,
кровь, как лава, по венам огнём.

У моих февралей
цвет индиго, раскаты штормов.
И теряется смысл.
И сливается с небом волна.
Здесь не жду я гостей,
не накрою им пышных столов.
И в манящую высь

я взлечу, как тот лётчик, одна.

Как без этого жить?

Заковав себя в серый бетон,
выпадая как снег
под колёса летящих машин,
перепутав все дни
в монохромных тоннелях метро,
замедляя свой бег —
мне же некуда больше спешить.

А мои февраль,

так и быть, пару лет подождут
на изломе страниц
недописанных вовремя книг.
Мы костры разожгли,
чтоб во тьме отыскали приют
грустный Маленький принц
и летящий сквозь звёзды старик.

Ланселот XXI

У него есть пентхаус в престижном районе,
Счёт в оффшоре надёжном, крутой Мерседес.
Он из тех, кто всегда убивает драконов,
Даже если они не воруют принцесс.

Чёрный шёлк простыней, натуральная кожа,
Ароматный сандал, современный дизайн.
В нём самом спит дракон. Он всегда осторожен —
Слишком много внутри похоронено тайн.

Но раз в год он свою отпускает охрану,
Сам садится за руль, отключив телефон.
Сквозь безлунную ночь, что похожа на рану,
Мчит от города прочь. Рядом дремлет дракон.

Где-то там, в вышине, полыхают Стожары.
Серебрится река среди тёмных лесов.
От дыханья его вспыхнут травы пожаром,
И от острых когтей из земли брызнет кровь.

Завтра в царстве привычном стекла и бетона
Он забудет про ночь, про речушку и лес.
От Диора кольчуга для битвы с драконом,
Даже если вокруг не осталось принцесс.

Пепел

Если лоза не приносит вина,
В топку бросают засохшие плети.
Пепел осадком до самого дна
Будет хранить нашу память о лете.

Книги, поверьте, в огне не горят.
Если у мастера творческий голод.
Пеплом слова его в небо летят,
Там им подарит бессмертие Воланд.

В день, когда наша с тобою любовь
Снимет устало протертые берцы,
Пепел прощальных осенних костров
Замаскирует раны на сердце.

Эта зима холоднее всех зим.
Но тосковать от разлуки не надо.
Бросим поленья в потухший камин,
Пепел весной взойдёт виноградом.

«Что же горит так внутри и вот-вот взорвётся...»

Что же горит так внутри и вот-вот взорвётся,
Брызнет неистово лавой и потечёт?
В каждом из нас своё утомлённое Солнце,
Светит пока оно ярко и горячо.

А в глубине по Вселенной летают звёзды
И распускают на пряжу хвосты комет.
Ты поливай свою розу, пока не поздно —
Завтра остынет светило, померкнет свет.

Кто-то взошёл в зенит, только ты в надире.
Сфере небесной нужен баланс во всём.
В каждом из нас такие чернеют дыры!
На миллион квадратов их рассечём.

Нашим планетам давно не хватает принцев.
Высохли розы, вымер последний лис,
Чучела вместо прежних живых зверинцев.
Космос внутри качнулся, потом завис.

Мы Магеллановым облаком страхи накроем,
Зная конец неизбежный в плену Андромед.
Если прислушаться, где-то внутри шумит море.

Значит, мы живы ещё и увидим рассвет.

Москва – Петушки

Венечке

Сажусь в электричку Москва-Петушки.
Озябшие ноги в промокших сапожках.
За мутным окном шпалы, словно стежки,
и город приколот поломанной брошкой
к семи пресловутым холмам.
...Напиться бы в хлам.

От книг остаются одни корешки.
От жизни и вовсе – бесовестно мало.
И мне говорят: «Поезжай в Петушки!»
Там можно, по слухам, начать всё сначала.
Проехав Купавну, бухнуть,
чтоб вычленишь суть.

А в тамбуре ангел, не пойман – не вор,
под перьями прячет стыдливо погоны.
Забвеньё разлить, словно сладкий кагор,
дрожащей рукою в привычный граненый,
всегда на троих, он спешит.
Исчерпан лимит.

Играет гармошка какую-то блажь.
Идёт, как мессия, оборванный нищий.

И думаю, может, закончить вояж,
шагнув на случайный перрон в Омутище?
Пусть пишут другие стишки
про чёртовы Петушки.

«Эта луна, как и мир, молода...»

Эта луна, как и мир, молода.
Нам не открыли Америк.
Море сожрало мои города,
Выплюнув кости на берег.

Так и белеют. И прячут пески
Остов забытого счастья.
Мы бесконечно с тобою близки
И вместе с тем безучастны.

Ноздри щекочет запах травы,
Пахнут снега весной.
Все наши боги давно мертвы.
Впрочем, как мы с тобою.

Февральский страж

Ещё февраль не перечёркнут
И не заточен карандаш.
Перебираю жизни чётки
И жду тебя, февральский страж.

Мне выпадают неслучайно
Трефовый туз и дама пик.
Твоё полночное молчанье
По децибелам, словно крик.

И я кричу, но ртом закрытым,
Тебя пытаюсь отыскать.
Так жеребенок бьёт копытом
Нетерпеливо, видя мать.

И припадая к ней, голодный,
С последней каплей молока,
От пут невидимых свободный,
Легко взлетает в облака.

И там, вверху, где бархат ночи
Звезды упавшей режет сталь,
Мой год становится короче.
И начинается февраль.

Хрупкая прозрачность ноября

Мне хрупкая прозрачность ноября
Напоминает бабушкину вазу,
Чьи трещинки, невидимые глазу,
Как паутинки в капле янтаря.

Стекло её легко меняет цвет —
Желтеет, словно листья старых клёнов,
Мерцает то лиловым, то зелёным,
Как только что подаренный букет.

Так и ноябрь – не осень, не зима,
Таинственный сосуд почти наполнен,
И только ваза старая напомнит,
Что жизнь – как год – к концу идёт сама.

Поэтам

*Душевный строй поэта располагает
к катастрофе.*

О. Мандельштам

Вам кажутся поэты чужаками,
Безумцами, что словом режут ночь
И звёзды выковыривают прочь
Из решета небесного над нами,
Чтобы бросать их в моря глубину —
Пусть светят там русалкам и дельфинам,
Чьи запятыми выгнутые спины,
Как рукопись, царапают волну.

Вам кажутся лентяями поэты —
Сиди, пиши, бумажками шурша.
Не видно глазу, как болит душа,
Разорвана, растоптана, раздета,
До тонких синих вен обнажена.
И что из раны лунный свет струится,
Чтоб вылететь не словом – робкой птицей,
И, как звезда, достичь морского дна.

А рифмы настроенью не подвластны,
И жизни смысл в чередованьи строф,
В предчувствии извечном катастроф.

И в сочетаньи безударных гласных
Мне видится какой-то высший знак.
И тянется рука к клавиатуре,
Чтоб вы мои стихи перелистнули
И вновь сказали: «Ну какой чудак!»

Ненаписанные стихи

Не пишется. Бумагу рвёт перо
Чернила сохнут, не успев коснуться
листа, оставить след. Разбилось блюдце
любимое, что треснуло давно.

Не дышится. Нет воздуха. Вокруг
расплавленное, выжженное лето,
и сердце тонкой ниточкой продето
в иглу судьбы, что выпала из рук.

Не верится. Не слышит Он молитв.
Не так молюсь. Не тем. Иль плохи свечи,
что гаснут на ветру. Всё врут – не лечит
ни время, ни врачи. Болит, болит.

Не выберусь. Не выберу пути
единственного, верного, прямого.
Перевернёшь листок – увидишь слово.
Прочти. Пойми. Прости. И отпусти.

Просто беги

Заходишь в тупик. Начинаешь разбег.
Спиною к стене. Оттолкнись.

Сгруппируйся. Беги.

Скоро, по слухам, выпадет первый снег.
Значит, придёт зима,
и придётся отдать долги.

А по ночам фантомная душит боль.
Ты привыкаешь. Ждёшь.
С ней по факту комфортно жить.
Душу не лечат время и алкоголь.
Значит, сама научись своих демонов хоронить.

Запомни пароль и поменяй маршрут.
Путай следы. Маскируйся. Точи до утра ножи.
Беды, сомненья, страхи – они пройдут.
Просто беги. Дыши. Полной грудью.
Так легче жить.

Верую

Дорога к богу

Ноги босые берёзок опущены в лужи
Слёз, что роняла зима в опустевшем лесу.
Птиц возвратившихся стая над городом кружит,
И появились веснушки у гор на носу —

Жёлтые крокусы солнцу подставили лица,
Им, первоцветам, не страшен возврат холодов.
Мне бы, как льдинке, на сотни осколков разбиться,
Чтобы стряхнуть с себя морок непрошенных снов.

Чтобы забыть, зачеркнуть и начать понемногу
Новую книгу писать, искромсав черновик.
И осознать, что дорога и к вере, и к богу
Через берёзовый лес нас ведёт напрямик.

Равновесие

Равновесие тьмы и света.
Равноденствие бытия.
Ночь безлунна, тиха, раздета
спит, дыхание затая,
в ожиданьи зимы бесснежной.
В отрицании пустоты
надо мною встают надеждой
православных церквей кресты.
Дар любой от Него храни:
пусть осветят тебе дорогу
Ханукальных свечей огни.
День у ночи крадёт минуты.
Я у неба краду слова,
чтобы завтра зажечь кому-то
звёзды первые Рождества.

Рождественское

Зажигаются в храмах свечи.
Долог путь от яслей до креста.
В этот тихий январский вечер
Славим все мы младенца Христа.
Если веришь и ждёшь подарка,
Подставляй, не боясь, ладонь.
Скоро вспыхнет на небе ярко
Вифлеемской звезды огонь
И согреет, и путь укажет.
Снег искрится как серебро.
Невесомо мне в руку ляжет
Из чьего-то крыла перо.
Неслучайна Его подсказка.
Эта ночь – само волшебство.
Если веришь, приходит сказка,
Как приходит к нам Рождество.

Прощёное воскресенье

Солнце ажурным блином сквозь канву облаков
рыжие капли роняет на городские крыши.
Сорваны с них внезапно звоном колоколов,
птицы чертят крылом, стараясь подняться всё выше.

Лёгкими на разрыв пью кислород весенний.
Он, как вино, опьяняет, ручьями течёт окрест.
Нам обещает, заблудшим во тьме, спасенье
бьющийся в стёкла и в души малиновый благовест.

Все мы по жизни путники, томимые вечной жаждою.
Ищем у Мироздания подсказки, веру и силы.
Я за ошибки свои прошу прощенья у каждого,
кто был на моём пути.
А я вас давно простила.

«Всё продаётся, была бы цена не завышена...»

Всё продаётся, была бы цена не завышена.
Всё покупается, если карман не пустой.
Даже когда о спасении просим всевышнего,
Платим грошами за здоровье и упокой.

Судного дня в ожидании прихода ли скорого,
Или, на всё наплевав, поклоняясь рублю,
Душу поэта купить не хотите недорого?
Я тут по сходной сегодня свою продаю.

«Знаю, ангелы есть на свете...»

Знаю, ангелы есть на свете.
Пусть невидимы, пусть неслышимы,
но их видят коты и дети,
их молитвами с вами дышим мы.

Каждый шаг наш, каждое слово
с книгой судеб у них сверяются,
и подсказки всегда готовы.
И летят впереди, стараются,

бьют крылами, неся спасение
нашим душам. И свято верую,
снег, что выпадет в воскресенье —
это ангелов перья белые.

Иосиф

Как просто перерезать пуповину
И научить на мир смотреть слепца.
Мы молимся и матери, и сыну,
Но часто забываем про отца.

Кто он, хранитель жертвенного лона,
Смиренный старец, с мудростью своей
И верю не той, что испулённо,
А той, что от единственных корней?

Любил ли он невинную Марию,
Иль, выполняя свой священный долг,
В пещере принял на руки мессию,
А доживи, так и на холм б взошёл?

Всегда он рядом, тих и незаметен.
И вознося молитву небесам,
Давайте помнить, что чужие дети —
Как божий дар принявшим их отцам.

«Заневестились вишни и белой накрылись фатой...»

Заневестились вишни и белой накрылись фатой,
словно мартовский снег неожиданно выпал на город.
И в упряжку свою запрягает звезду за звездой
тонкий месяц-гонец на бескрайних небесных просторах.

Так приходит весна – как скакун, закусив удила,
пронесётся, взметнув то ли пыль, то ли талую воду.
И устала уже с ней бороться старуха-зима,
хоть ещё иногда красит инеем травы к восходу.

Переменчивый март, время робких надежд и тоски.
Вот последняя льдинка в руках разломилась у Кая.
А с упругих ветвей всё летят и летят лепестки.
И моя голова в отраженьи зеркальном – седая.

Июльское

Ночь от грозы промокла.
Стихают дождя всхлипы.
Утром ворвётся в окна
Запах цветущей липы.

Льётся в бокалы солнце,
Сгорают на дне страхи.
Неба лоскутно рвётся,
Шью из него рубахи.

Празднично ли, исподне,
Всё так и так сгодится.
Стану навек свободна,
Укрытая плащаницей.

В ожидании Пасхи, или нелёгкий Пост – 2020

Даже если на улице холод и дождь,
небо серое город укрыло,
и ты больше ни чуда, ни солнца не ждёшь
[Вдруг оно и взаправду остыло?]

Знай, что завтра придёт – через месяц ли, год,
через пару мучительных вёсен,
над землёй развернёт голубой небосвод
и в него белых птичек подбросит.

И они полетят, и они понесут

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.